

В честь окончания средней школы Катя Ясина задумала совершить альпинистское восхождение на старую колокольню. Блестящая мысль пришла в голову на праздновании нового, тысяча девятьсот сорок первого года, под бой кремлёвских курантов. Высота всегда манила её своей загадочностью. Казалось, что небо в заоблачной выси отражает наш мир наподобие зеркала, и чтобы проникнуть в тайну, надо лишь раздвинуть руками облака или подняться над землёй вровень с птицами.

Осуществлять идею следовало втайне от мамы, поэтому своими намерениями Катя поделилась только с подругой Ольгой и одноклассником Максимом — они не только не выдадут, но и будут страховать трос внизу. Разбиться насмерть в Катины планы не входило.

Верёвку с крюком-кошкой раздобыла Ольга, тишком позаимствовав инвентарь у отца-лесничего, а Максим взял с собой фотоаппарат, чтобы

зафиксировать местный рекорд. Фотоаппарат был единственный в округе, и Максим страшно им гордился.

Взахлёб читая в газетах о героях-альпинистах, Катя воочию представляла себя с мотком веревок на плече и значком альпиниста СССР первой степени на груди. О славных альпинистах тридцатых годов пели песни, сочиняли стихи и привозили в клуб документальные фильмы. Последний фильм о покорении Эльбруса киномеханик крутил три раза, заставляя Катю сердце трепетать от восхищения перед смелыми людьми, бросавшими вызов матери-природе.

Колокольня стояла далеко за селом, в чистом поле, густо поросшем ромашками. Когда по цветам пробежал ветер, создавалась иллюзия, что колокольня плывёт по белым волнам, готовясь отчалить в дальнее плавание. Рухнувшая церковь давным-давно сравнялась с землёй, а колокольня выстояла, впитывая в свои брёвна тьму веков. Лестница внутри насквозь прогнила, но наружные стены стояли прочно, уверенно. Нижние венцы, сложенные из сосновых брёвен в два обхвата, возносили вверх трёхъярусную башню, увенчанную четырёхгранной пирамидой звонницы со сломанным крестом.

Старики говорили, что колокольня не раз спасала народ во время пожаров, потому что колокольный звон могли слышать сразу в нескольких

деревнях. Чтя историческую память, Катя коснулась ладонями тёплого дерева, словно вливая в себя частицу древней силы.

— Высоко! Может, не полезешь, Катька? Может, передумаешь? — Ольгин голос зазвенел истеричными нотками. — Если сорвёшься, меня отец убьёт.

— Так уж и убьёт.

— Ну, шкуру спустит...

Две девушки — Катя и Оля — резко отличались друг от друга как характерами, так и внешностью. Катя, одетая в сатиновые шаровары и футболку, была светловолосой, невысокой и со смешными детскими конопушками, а Ольга в голубом платье с белым воротничком — статной, броской, хоть сейчас в кино снимай.

Катя сердито нахмурилась:

— Вечно ты, Ольга, колеблешься. Прямо как оппортунистка какая-то, а не комсомолка.

— Сама оппортунистка.

Максим озабоченно настраивал объектив и в девичий разговор не вступал — знал, что спорить с Катей бесполезно, она кого хочешь переупрямит.

Прежде чем забросить крюк, Катя внимательно осмотрела козырёк первого яруса. Вздвигшаяся от старости дранка отсвечивала тусклым серебром, отдалённо напоминая чешую огромной сказочной рыбы. Крюк вошёл в дерево

с глухим стуком, спугнувшим с крыши стайку взъерошенных воробьёв. Для надёжности Катя крепко подёргала верёвку и легко подтянулась на руках, чувствуя, как мышцы упруго наливаются силой. Сейчас она могла бы подняться до самого неба.

— Ура! Броня крепка и танки наши быстры!

Победно вскинув голову, Катя бросила взгляд на побледневшую Ольгу и весёлого Максима с фотоаппаратом в руках. От нетерпения он приплясывал на месте:

— Замри, Ясина! Снимаю!

Катя прищурилась от бьющего в глаза солнца, купаясь в чувстве бесшабашности, от которого в венах кипит молодость, а жизнь прямым трактом стелется под ноги. Созвучно её настроению туго натянутая верёвка отозвалась пением струны, и этот звук тоже показался радостным и символичным, потому что сейчас всё внутри и вокруг Кати пело от радости.

На колокольню она поднималась долго, минут сорок, уже из последних сил перевалившись через окно звонницы.

Трухлявые доски опасно скрипнули, но Катин вес выдержали.

Вес мешка картошки, как шутила мама.

Сквозь частые прорехи в прохудившейся крыше солнце сеяло на голову солнечный дождь, золотым столбом кружа невесомые пылинки.

А приволье внизу! Замирая от восторга, Катя охватила взглядом зелёные поля, цветущий луг, кромку леса, чётко прорисованную на фоне синего неба. И это всё принадлежит ей! Как же она любила этот мир и чувствовала, что он тоже любит её, звонко откликаясь щебетом птиц и шелестом трав у подножия колокольни.

Она помахала рукой Максиму и Ольге. Потом набрала полную грудь воздуха, раскинула руки и закричала:

— Люди, я люблю вас! Будьте счастливы!

Пусть её голос услышат во всех деревнях, куда раньше долетал звук колокола. Сейчас от него остались ржавые стропила да обрывок кручёной верёвки, небрежно перекинутой через балку.

Уже собираясь спуститься, Катя вдруг заметила в углу пола небольшой медный крестик, лежавший рядом с корочкой хлеба. Крест и хлеб — неизвестно почему, но эти два слова слились у неё в единое целое. Она не могла уйти, оставив их валяться здесь на поломанных досках. Опасаясь рухнуть вниз, Катя осторожно дотянулась до находок и сунула их в карман шаровар.

* * *

Хотя квадратный рупор ретранслятора шуршал помехами, речь Молотова слушали забывая дышать. Казалось, даже куры перестали квохтать,

в тревоге замерев под широкими досками крыльца сельсовета.

Слова из ретранслятора падали тяжёлые, страшные. От них Кате хотелось спрятаться и убежать во вчерашний день, который был таким тёплым и радостным. Она обвела глазами односельчан.

Вытянувшись в струнку, фельдшерица теребила в руках косынку, председатель сельсовета — одноногий Иван Сидорович Матвеев — бессильно повис на костылях. Его руки от напряжения змеями обвили чёрные вены. Учётчица Любушка зажала кулаком рот, чтобы не закричать. Подружка Оля то всплескивала руками, то бралась за голову.

Чуть поодаль с серьёзными лицами стояли парни. Как по команде они расправляли плечи и распрямляли спины, с каждым словом Молотова становясь взрослее и выше. Катя подумала, что с этой минуты они уже не сельские парни, а бойцы Красной армии.

«...Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!» — закончил речь Молотов.

Бабы поняли, что началась война, и заголосили.

Опасаясь всеу накликать лихо, войну ждали. Её дух начал витать в воздухе в конце тридцатых годов, когда фашисты развязали войну в Испании. Потом началась советско-финская.

Несмотря на то, что Финская кампания вскоре закончилась, страна понимала — следующая война не за горами.

И всё-таки она сумела прийти неожиданно, ударив под дых так, что в лёгких закончился воздух.

— Какой был день прекрасный, светлый, солнечный, — ни к кому не обращаясь, вдруг сказала дачница Вера Ивановна, приехавшая из Ленинграда с мужем-профессором. — А враг его в чёрный цвет выкрасил!

И правда в чёрный! Катя посмотрела вниз с горки, на которой стоял сельсовет. Отсюда крутая тропинка сбегала к избам на берегу небольшой, но бурной речушки. Колодец с высоким журавлём, клуб с широкой скамьёй у крыльца — они как будто стали меньше, насупились, потемнели. Полчаса назад это была обыкновенная деревня Новинка — одна из многих тысяч деревень в большой стране, а теперь она вдруг стала частью огромной Родины, которую надо защищать.

— До последней капли крови, — одними губами сказала себе Катя, чувствуя на плечах воображаемую шинель, а в руках винтовку.

«Возьмём винтовки новые, на штык флажки!» — всплыло из памяти стихотворение Маяковского. Катя декламировала его на ноябрьском концерте. В первом ряду в нарядной кофточке сидела мама, и в её глазах Катя читала гордость.

— Мы же только школу закончили и в институт собрались поступать, — пискнула Ольга, — как же теперь? Катька, ты отличница, придумай что-нибудь!

Ошалевшими глазами она смотрела Кате в лицо, словно ожидая, что та топнет ногой или хлопнет кулаком по столу и закончит эту проклятую войну как можно скорее.

Катя стряхнула с себя мягкие руки подружки и подбоченилась:

— Подумаешь, война! Мало ли на нас враги лезли — вспомни историю! — Вздёрнув к небу кулак, она погрозила невидимому врагу: — Но пасаран! Будем стоять насмерть!

Она с удовольствием услышала, как огненный лозунг подхватили парни, многоголосо прокатывая словечко, подаренное воюющей Испанией:

— Но пасаран! Но пасаран! Враг не пройдёт! Победа будет за нами!

* * *

Фронт приближался к Ленинграду стремительно. Четвёртого июля немцы захватили Ригу, пятого взяли Остров, а девятого июля советские войска оставили Псков.

«Окопы, траншеи, рвы — интересно, сколько километров мы их вырыли за три недели вдоль реки Луги?» — прикинула Катя, утирая пот

подолом юбки. По низу юбка истрепалась лохмотьями. Катя перекусила зубами свисающую нитку и подумала, что другой одежды всё равно нет и не предвидится. С момента мобилизации на окопы она ни разу не раздевалась, потому что все окопники спали вповалку прямо в чистом поле. Вместо обеда раз в день выдавали сухой паёк, состоявший из полбуханки хлеба, двух варёных яиц и банки рыбных консервов. Постоянная жажда и июльская жара мучили, изматывали, делали тело вялым. Подкашивались колени, бесильно опускались ставшие тряпичными руки.

Искупаться бы. Упасть на свежую траву в глубокой тени и врасти всем телом во влажную землю. Но соседняя рощица смята гусеницами танков, а поперёк ручья вонючей кучей лежит раздувшийся труп лошади.

На открытом пространстве солнце палило немилосердно. Темнеющий вдалеке лес манил прохладой, но сил дойти до него, чтобы передохнуть в тени, не оставалось.

«Враг не пройдёт», — рефреном крутилась в голове мысль, подчиняясь ритму однообразных движений — наклониться, поддеть, отбросить в сторону.

Когда в груди всё стало спекаться от жары, Катя оперлась на лопату и поискала глазами бочку с водой. Кругом, сколько видит глаз, колыхалось море людских голов и спин. Женщины, подростки,

дети, старики. Тысячи и тысячи людей строили здесь оборонительные рубежи. Рабочую силу привозили сюда грузовиками из Ленинграда и области. Выдавали лопаты, и люди вставали в строй без суеты и жалоб на плохое здоровье или немощь.

По твёрдости ссохшаяся земля не уступала камню, и Катя уже успела сломать один черенок лопаты. В воздухе стояло марево красноватой пыли, которая забиралась в ноздри и хрустела на зубах. Катя вздохнула: попить, перевести дух и снова копать, стараясь не обращать внимания на ободранные в кровь ладони и гул самолётов над головой.

Сегодня их бомбили уже дважды. Говорят, убило пять или шесть человек. Убитых оттащили в сторону и положили в тени лохматой сосны. Хоронить времени не оставалось, все понимали, что работа не должна останавливаться, слишком велика оказывалась цена промедления.

Воду на окопы привозили в молочной цистерне с краником. С жадностью допивая из жестяной кружки, Катя вообразила, что вода пахнет парным молоком. Последние капли она вылила себе на лицо.

Донимала жара, и до крови кусали слепни. Но ей ничего, она молодая, а вот мама...

Держа кирку двумя руками, мама выворачивала слежавшийся пласт целины, заросший пожухлой травой. Несмотря на жару, её лицо

было очень бледным, почти меловым, с тёмными кругами под глазами. У Кати сжалось сердце. Весной мама тяжело болела, и её до сих пор донимала одышка. Порой она закатывалась надсадным, хриплым кашлем, от которого в груди словно булькало кипящее варево. Болезнь оказалась настолько прилипчивой, что маме — учительнице литературы — пришлось пропустить третью четверть. По её понятиям это считалось совершенно недопустимым.

— Учитель, как солдат, всегда должен стоять в карауле, — однажды сказала она Кате, — и если ты выберешь профессию учителя, то должна помнить, что на первом месте у учителя всегда его ученики, а на последнем — он сам.

Почувствовав на себе Катин взгляд, мама подняла голову и улыбнулась, давая понять, что у неё всё в порядке. Мама не любила показывать свою слабость, и на Катиной памяти плакала только один раз много лет назад, когда держала в руках какую-то посылку.

Когда Катя подошла к окопу, раздался нарастающий гул самолётов, а потом защёлкали горошины выстрелов. Немецкий лётчик в широких чёрных очках опустил самолёт так низко, что стало видно его лицо с распахнутым ртом. Наверное, он кричал что-то весёлое или пел песню.

— Мама!

— Катя!

Они одновременно бросились друг к другу, скатившись в только что вырытый ров. Из-за усталости страх не ощущался, а обстрел воспринимался как временная передышка. Справа и слева лежали женщины и дети. Чей-то тяжёлый ботинок ударил Катю в лицо и рассёк скулу. Самолёт барражировал над окопом, утюжа пространство тёмным железным брюхом. Где-то в дальнем конце траншеи пронзительно крикнула женщина.

Размазывая кровь по щеке, Катя стала выкарабкиваться из-под груды тел. Казалось бессмысленным лежать и ждать, когда тебя застрелят. Хоть стой, хоть лежи — ты всё равно цель.

— В неподвижную мишень попасть проще, а если мы будем копать, то хоть на одну лопату, но придвинем победу.

— И то правда, — ответила мама и первая встала во весь рост, — всё в воле Божией.

— В Божией, так в Божией. — Катя не стала спорить, хотя не верила, что Божию волю может творить весёлый убийца на чёрном самолёте, похожем на летающий гроб.

Вслед за ними поднялась худая женщина со впалыми глазами и жилистыми руками. Не разговаривая, она вонзила лопату в землю так яростно, словно хотела перерубить напополам земной шар. Глядя на работающих, люди поднимались один за другим. Через мгновение окоп снова наполнился звоном металла и рёвом

машин, подвозивших бетонные надолбы. Теперь на обстрел никто не обращал внимания. Падающих поднимали, оттаскивали в сторону и снова начинали выворачивать тяжёлый грунт пополам с камнями.

Когда самолёт отвернул в сторону, мама с Катей взяли за носилки со скользкими ручками.

Мама вдруг сказала:

— Послушай, Катя, если меня убьют, то ты должна...

Страшная мысль о маминой смерти холодком проскользнула в горло:

— Как убьют?! Мама, что ты такое говоришь? Тебя не могу убить! — От собственного крика у Кати заложило уши.

Мама повысила голос, сказав с ровной учительской интонацией:

— Если меня убьют, то ты должна пробираться в Ленинград к моей сестре.

От удивления Катя едва не выпустила из рук носилки:

— Мама, у тебя что, есть сестра? Я думала, что у нас нет родственников! Почему ты мне раньше ничего не говорила?

Она через плечо оглянулась на маму, поразившись её отрешённому взгляду, направленному сквозь пространство.

— Тебе не надо было про неё знать, — сказала мама после паузы, перемежая слова свистящим

дыханием. — В последний раз мы с Людой виделись до твоего рождения.

На миг Катя даже забыла, что они с мамой стоят посреди поля, сгибаясь под тяжестью самодельных носилок. На языке крутились вопросы, которыми в другое время она засыпала бы маму с головы до ног. Её давно мучило, что она ничего не знает про отца и дедушек-бабушек, а оказывается, у мамы есть ещё и сестра. Настоящая, родная сестра!

Новая пулемётная очередь заставила их отпрянуть в сторону. Одна из пуль, взметнув сухой фонтанчик, ударила в песок на носилках.

Теперь мамин голос не прерывался и не хрипел, внезапно обретая силу и звучность:

— Запомни, у нас дома в саквояже лежит посылка от моей сестры. Там есть обратный адрес. Разыщешь по нему Людмилу и вернёшь ей посылку. Скажешь, мне от неё ничего не надо, но тебя пусть приютит, хотя бы на время, пока не найдёшь другое жильё.

Катя упрямо вздёрнула подбородок:

— Мама, как только мне исполнится восемнадцать, я пойду на фронт!

— Не видишь — здесь тоже фронт, только вместо винтовки у нас лопаты. — Мама как-то неловко наклонила голову набок и мягко отпустила носилки, уткнувшись лицом в песок.

— Мама! Мамочка! Мамуля!

С воем Катя ползала на коленях вокруг носилок, пытаясь заглянуть маме в глаза, которые были ещё яркие и влажные, но уже ничего не видели.

Потом, окаменев до боли в мышцах, Катя оттащила мамино тело к другим павшим. Под раскидистым кустом ивы с утра скопилось много тел, залитых кровью. Пожилой мужчина в гимнастёрке вытянулся во весь рост, а худенький мальчик с аккуратной русой чёлочкой будто спал, свернувшись калачиком.

Мозг отказывался воспринимать действительность, и Катя неосознанно старалась устроить маму поудобнее, подсовывая ей под голову подушечку из мха и укрывая ноги еловым лапником. Неужели мама ушла навсегда? Вот так просто — слетела с ладони, как летняя бабочка? В память врезались лес, синее небо и перевернутые носилки с рассыпанным по траве песком.

— Мамочка, прости, — единственное, что сумела сказать Катя, перед тем как снова идти копать траншею.

* * *

Уже 23 июня командующим Ленинградским военным округом генерал-лейтенантом М. М. Поповым было отдано распоряжение о начале работ по созданию дополнительного рубежа обороны на Псковском направлении в районе Луги. 25 июня военный совет Северного фронта утвердил схему обороны

южных подступов к Ленинграду и обязал начать строительство. Строилось три оборонительных рубежа: один — вдоль реки Луга, затем до Шимска; второй — Петергоф — Красногвардейск — Колпино; третий — от Автово до Рыбацкого.

Около ста тысяч человек рыли противотанковые рвы.

Построили четыре линии оборонительных сооружений: первую — южнее Луги, километров за пятнадцать-двадцать. Вторую — перед самой Лугой, в полутора километрах, третью — в Толмачеве, четвёртую — в деревне Долговка. Протяжённость по фронту главной оборонительной полосы — 276 километров*.

* * *

Спустя пару недель Катя шла в толпе беженцев по направлению к Ленинграду.

Она успела забежать домой всего на пару часов. Торопливо сменила изорванную юбку на спортивные шаровары с полосатой футболкой, схватила жакет и саквояж. Вот и всё. На пороге Катя обвела глазами родные стены и низко поклонилась, как над могилой.

Оторвавшаяся подошва от стоптанных парусиновых туфель шлёпала по земле и черпала носком песок. Чтобы его высыпать, приходилось

* Ковальчук В.М. Ленинград и Большая земля. Л.: Наука, 1975.

часто останавливаться. Когда саквояж с посылкой окончательно оттянул руку, Катя привязала к кожаной ручке пояса от плаща и перекинула ношу через плечо. До Ленинграда путь неблизкий. С каждым километром идти становится всё тяжелее. По обочинам дороги стояли обгорелые дома. Дикими голосами ревели испуганные коровы, ржали лошади и стоял людской гомон, перекрывающий гул машин и отдалённые раскаты взрывов. Вся эта какофония звуков соединялась в один оркестр, страшный в своей безысходности.

Рядом с Катей, плечо в плечо, сопела подружка Ольга, тащившая на закорках увесистый мешок с тёплой одеждой. Голову она повязала пёстрой шёлковой косынкой, которая так выгодно подчеркнула её броскую, цыганскую красоту, что на Ольгу заглядывались даже самые измученные беженцы.

Ольга намеревалась идти до Красногвардейска, который жители упрямо продолжали называть Гатчиной, а там перезимовать у родни отца.

— За зиму Сталин фашиста разобьёт, тогда и увидимся, — жалобно сказала Ольга около развилки на Гатчину. С отчаянием утопающего она вцепилась в Катин жакет и тянула её за собой. В Ольгиных глазах Катя читала неприкрытый страх. Как оставить её одну, такую непутёху?

— Может, ты лучше со мной в Ленинград пойдёшь? А оттуда напишем твоим в Гатчину.

Но в ответ Ольга мелко затрясла головой:

— Что ты, Катя! В Гатчине я каждую улочку знаю, да и родня прокормит, а в Ленинграде нам с тобой и голову приклонить негде. Смотри, сколько народу туда идёт. Туча!

Ольга дождалась, когда с ними поравняется встречная воинская колонна, и повернула следом, махнув рукой на прощание:

— Бывай, подруга, не поминай лихом!

Катя вскинула поднятый над головой кулак.

— Бывай, Ольгуня! Не попади под бомбёжку! И, главное, не бойся! Помни: но пасаран!

Кинув вслед Ольге прощальный взгляд, она влилась в толпу беженцев, направлявшихся в Ленинград в поисках защиты и помощи.

Общий поток двигался медленно, до краёв заполняя собой широкую дорогу, изборозждённую воронками от взрывов. В отдалении, за колхозными полями, ярко и страшно пылал лес.

Чередой тянулись гружёные подводы, их огибали грузовики, которые вынужденно подчинялись общему ритму и поэтому ехали на низкой скорости, с остановками. Группа усталых пастухов в резиновых сапогах гнала вперёд стадо коров. Шли женщины с детьми, старики, старухи, подростки. Те, кто возвращался с оборонных работ, шагали налегке, а остальные волокли на себе домашний скарб в виде мешков, коробок и даже кастрюлек. Девчонка лет десяти ухитрилась

приспособить себе на голову эмалированный таз, делавший её похожей на чудовищную синюю поганку на двух тонких ножках.

— Поберегись! — расчищая дорогу скоту, щёлкали кнутами пастухи.

Катя шарахнулась в сторону.

Совсем не таким прежде представлялся ей путь в Ленинград. В людской круговерти она чувствовала себя маленькой и потерянной. Это никуда не годилось.

— Не смей раскисать, Ясина! — строго приказал она сама себе и сама себе ответила: — Слушаюсь, товарищ командир!

Бодрость духа давалась с усилием. Чтобы отвлечься от тяжёлых мыслей, Катя стала думать о посылке, надёжно упрятанной в саквояж, и о том, как ей называть новоявленную тётю — тётя Люда или Людмила Степановна? Фамилия у тёти была такая же, как у них с мамой — Ясина, из чего Катя сделала вывод, что тётя не замужем, хотя мама носила девичью фамилию, а про папу говорила, что он умер от тифа.

Заколоченная гвоздями посылка с тётиним адресом представляла собой небольшой, но тяжёлый — килограмма на три — деревянный ящичек, жирно подписанный химическим карандашом.

Интересно, что в нём лежит?

Отойдя к обочине, Катя повязала платок и перебросила саквояж на другое плечо, скользнув

ладонью по разогретому солнцем шагреневому боку. Саквояж был малинового цвета с никелированным ободком, явно иностранного происхождения.

В детстве она назвала мамин саквояж волшебным сундучком, смутно догадываясь, что он прибыл в деревню Новинка из какой-то другой, совсем недеревенской жизни. Заглядывать в саквояж ей не позволялось. Мама запирала маленький замочек на ключ, который хранился в ящичке письменного стола. Катя много раз выспрашивала у мамы о содержимом волшебного сундучка, но мама неизменно отвечала, что там лежат старые документы, которые давно вышли из употребления. На деле оказалось, что кожаное нутро, выстланное чёрным шёлком, хранит всего две вещи — посылку и фото.

«Папа!» — сразу угадала Катя, едва взглянув на маленькую карточку молодого мужчины в шляпе.

Строгое выражение лица с широко распахнутыми глазами показалось до боли знакомым. Эти глаза она каждый день видела в зеркале, огорчаясь, что они не похожи на мамины, с прелестным миндалевидным разрезом и пушистыми ресницами. Чтобы удостовериться в идентичности, она положила рядом с папиным фото свою фотографию и сравнила: точно, папа. Хотя, может статься, дядя. Раз оказалось,

что у мамы есть сестра, то почему бы не быть и брату?

Она так задумалась, что не сразу обратила внимание, как люди с дороги прыснули к обочине и стали разбегаться по кустам.

— Воздух! Воздух! Ложись! — приставив руки ко рту рупором, закричал в толпу водитель одного из грузовиков. Взмахом руки он показывал, что надо лечь, но Катя осталась стоять на месте, как заворожённая глядя на приближающиеся самолёты.

Пять, шесть, десять тёмных обтекаемых машин летели уверенно, не торопясь, словно утверждая своё превосходство над синим небом со стоячими белыми облаками. Ненависть захлестнула её с головы до пят.

Бессознательным движением Катя напрягла мышцы и вдруг увидела, как из дальнего облака выскочил маленький юркий самолётик, за ним другой.

— Наши, наши летят!

Люди на дороге замерли, напряжённо глядя, как два отчаянных пилота смело ринулась на сближение с вражеской армадой. Катя перестала дышать.

Самолёты шли навстречу друг другу, покачиваясь с крыла на крыло.

— Улетайте — вас собьют! — закричала она ястребкам, не осознавая, что те её не слышат.

Когда расстояние между машинами стало критическим, из каждого самолёта почти одновременно грянули пулемётные очереди. Самолёты то поднимались вверх, то камнем падали вниз, пересекаясь и расходясь по сторонам. По небу усами мотались огненные нити трассирующих выстрелов.

Было видно, что вражеские лётчики растерялись. Один немецкий самолёт, круто развернувшись, ушёл в сторону леса, и из его брюха дождём посыпались бомбы, предназначенные Ленинграду. Вереница взрывов волной прокатилась над верхушками сосен.

— Держитесь! Мы с вами! — срывая голос, орала нашим самолётам Катя. — Бейте врага!

Люди рядом с ней кричали и размахивали руками.

Немецкие самолёты стали перестраиваться, а наши им не давали, стреляя безостановочно. Под напором неожиданной атаки к лесу полетел ещё один фашист. Не долетев, завалился набок, и из него повалил густой чёрный дым.

Натужно гудя, фашистские самолёты рванули вверх и быстро скрылись из виду.

Катя вытянулась в струнку:

— Ура, победа!

От гордости за наших лётчиков она едва не расплакалась.

Гнавшая коров колхозница перекрестилась:

— Господи, благослови наше воинство.

До Ленинграда Катя добралась к полуночи. Нашла первую попавшуюся скамейку в зелёном скверике, подложила под голову саквояж и заснула мертвецким сном.

* * *

Одним из истребителей нового поколения, принятых на вооружение СССР перед самой войной, являлся ЛаГГ-3.

(Самолёт назван по фамилиям руководителя проекта Горбунова В.П. и его ближайших сотрудников: Лавочкина С.А. и Гудкова М.И. — ЛаГГ).

К числу его главных достоинств относилось минимальное использование в конструкции самолёта дефицитных материалов: ЛаГГ-3 в основном состоял из сосны и дельта-древесины (фанеры, пропитанной смолой).

Советский штурмовик Ил-2 (конструктор С.В.Ильюшин) стал самым массовым боевым самолётом в истории.

Он принимал участие в боях на всех театрах военных действий Великой Отечественной войны. Конструкторы называли разработанный ими самолёт «летающим танком», а немецкие пилоты за живучесть прозвали его *Betonflugzeug* — «бетонный самолёт».

Ил-16 является первым в мире серийным высокоскоростным низкопланом с убирающимся шасси.

К началу Великой Отечественной войны самолёт устарел, однако именно он составлял основу

истребительной авиации СССР. Советские лётчики называли его «ишак», испанские — «моска» (муха), а немецкие — «рата» (крыса)*.

* * *

Спящую Катю встряхнуло с такой силой, что голова с размаху стукнулась о скамейку.

Бомбят? Напружинившись всем телом, она вскочила и увидела, что по тропинке между деревьями удирает невысокий парень с её саквояжем. Она успела рассмотреть коричневую вельветовую куртку, серые школьные брюки и стриженный затылок с чёрными волосами.

Он бежал быстро, но неумело, вихляя спиной из стороны в сторону.

— Ах, ты гад! Отдай сейчас же! Всё равно догоню!

Катя рванулась вдогонку с такой скоростью, как если бы сдавала нормы ГТО по бегу.

В школе она завоевала высокую — третью степень и очень гордилась тем, что пришла к финишу первой.

— Стой!

Не сбавляя темпа, парень обернулся, расширяя рот в ехидной ухмылке.

— Ты ещё улыбаешься!

* Боевая авиация времён Великой Отечественной войны. РИА Новости, 21.10.2014.

Злость придала Кате сил. Разъярённой кошкой прыгнула на спину вора, зажав в кулак его воротник. От сильного толчка парень упал. Сцепившись, они покатались клубком по земле. У парня были крепкие руки, и это Катя сразу почувствовала. Но она превосходила его в гибкости и ловкости, а кроме того, на её стороне была правда, а значит, победа.

Извернувшись, Катя оседлала противника и двумя руками подняла над головой саквояж, чтобы с размаху обрушить его вниз. Глаза парня испуганно зажмурились. Он обречённо вжал голову в плечи, готовясь принять удар, но Катя вдруг поняла, что не может бить лежащего.

Медленно встав на ноги, она с презрением бросила:

— Ворюга!

Парень, распластавшийся на земле, вызывал у неё отвращение. На рытье окопов, под пулями и бомбёжками, работали и погибали слабые, больные, старые. А он, молодой и здоровый, в это время вырывал у людей сумки из рук.

Отойдя на пару шагов, она оглянулась:

— Ты враг. Вместо того, чтобы воевать, ты помогаешь фашистам. У меня маму убили, когда она копала траншеи, чтобы защитить Ленинград. Тебя, паразита, защитить.

Если бы Катин взгляд мог испепелять, то от парня осталась бы горстка пепла.

Он сел и вытер рот рукавом:

— Дура! Никого не надо защищать, потому что немцы всё равно скоро захватят город. Ты что, совсем того? — Он покрутил пальцам у виска. — Не видишь, как Красная армия драпает?

Кровь бросилась Кате в лицо, и она закричала:

— Я думала — ты враг, а ты хуже! Ты — предатель! Я тебя бить не стала, а тебя надо не бить, а расстрелять, как паникёра и труса!

Она захлебнулась от клокочущей ярости. Глаза парня смотрели на неё с вызовом, как будто ожидая, что она снова бросится на него.

Несколько секунд Катя молча разглядывала его лицо, пока он не опустил голову, а потом с презрением бросила:

— Руки об тебя марать противно! Не знала, что бывают такие ленинградцы.

Прошагав военными дорогами чуть не сотню километров, Катя ожидала застать полностью разорённый город. Но, несмотря на заколоченные витрины магазинов и оклеенные бумагой окна, широкая улица, по которой она ступала, поражала своей чистотой и величием. Слышался звон лопат. В парках и скверах копали щели, чтобы прятаться от взрывной волны. Щели представляли из себя траншею с крышкой, наподобие погреба. На фасадах домов виднелась свежая кирпичная кладка. Оконные проёмы были превращены в пулемётные амбразуры.

«На случай уличных боёв», — поняла Катя.

Поперёк улиц баррикады из мешков с песком и противотанковых ежей. Катя вспомнила, как в окопах об один такой ёж она больно разбила коленку.

И плакаты, плакаты, плакаты. Они расклеены всюду, где только возможно. Плакаты кричали, призывали, требовали.

У доски с объявлениями она остановилась и прочитала приказ для населения, что все личные радиоприёмники, фотоаппараты и велосипеды подлежат немедленной сдаче, чтобы исключить пособничество врагу. Ну, фотографические аппараты и радиоприёмники понятно, а велосипеды зачем? Наверно, чтобы не дать возможности шпионам быстро передвигаться по городу.

Погромыхивая на стыках, ходили трамваи, открывались двери магазинов, на углу у парка с лотка торговали фруктовым мороженым. Остановившись, Катя купила себе стаканчик. Мороженое она пробовала раз в жизни, когда мама возила её в Ленинград на зимние каникулы. Но тогда они были в городе всего один день — утром приехали, а вечером уехали.

Оказывается, она здорово изголодалась, потому что проглотила мороженое едва не целиком. На языке остался сладковатый привкус, от которого захотелось пить.

Катя отошла в сторонку и распахнула саквояж, чтобы ещё раз прочитать адрес тёти Люды Ясиной. Сразу набежали мысли о маме. Низко опустив голову, Катя смахнула слезинку согнутым пальцем.

О том, как добраться на проспект Огородникова, никто из прохожих не знал, а толстая дама в белой шляпке сказала, что, по её мнению, такой улицы в городе вообще нет.

— Как же нет, гражданка? — На Катино счастье в разговор вмешался старичок с острой бородкой. — Этак вы девушку совсем запутаете. Поглядите, она сейчас заплачет. — Старичок запихнул в авоську газету, которую держал в руке, и повернулся к Кате. — Проспект Огородникова, барышня, прежде назывался Рижским. Он недалеко отсюда. Вам надо дойти вон до того угла и сесть на трамвай. Кондуктор укажет, когда выходить.

В трамвае Катя ехала, крепко обхватив саквояж двумя руками, и представляла себе, как звонит в дверь, а ей открывает женщина, в точности похожая на маму. На душе стало тревожно. Брякнуть сразу с бухты-барахты: «Здравствуйте, я ваша племянница!» — или зайти издалека, рассказать про маму...

Катина губа снова задрожала, и она упрямо мотнула головой: как будет, так и будет.

Нужный номер дома оказался прямо напротив трамвайной остановки. Не чувствуя под собой ног, она взлетела на последний этаж и, прежде чем нажать кнопку звонка, несколько секунд постояла, чтобы набраться смелости.

Но вместо тёти Люды на Катин звонок вышел пожилой мужчина. Хотя время давно перевалило за полдень, мужчина был одет в мятую пижаму с засаленными отворотами и клетчатые домашние тапочки. Глаза его сонно моргали, а на одутловатых щеках топорщилась седая щетина.

— Вам кого? — Его взгляд пробежал по лицу Кати, остановился на саквояже в руках и сделался неподвижным, как будто застыл на морозе.

— Мне Людмилу Степановну Ясину.

Челюсть мужчины дёрнулась вперёд. Он поспешно вышел на лестницу, прикрывая спиной дверь.

— Здесь такая не проживает, — указательным пальцем он шлёпнул по привинченной к косяку табличке с гравировкой, — видите, здесь написано, что я Гришин. Михаил Михайлович Гришин. И никаких Ясиных здесь не было и нет.

— Папа, кто там? — раздался из-за двери девичий голос.

— Это не к тебе, Лерочка. Ошиблись адресом. — Он перевёл на Катю взгляд, показавшейся ей испуганным. — Идите своей дорогой, де-вушка, не тревожьте нас.

* * *

Когда по радио начали транслировать речь Молотова об объявлении войны, Михаил Михайлович Гришин пил сидро с клубничным сиропом.

Он стоял на перекрёстке улиц у проспекта 25 октября, который по старой памяти именовал Невским, и смотрел, как останавливается транспорт и меняются лица людей, застывая в каменном молчании.

Война? Неужели война?

Зубы мелко стучали о стакан, выбивая дробь. Забывшись, Михаил Михайлович опустил руку. Кровавым следом клубничное сидро вылилось на белые парусиновые брюки, и от сочетания красного на белом на душе стало совсем муторно.

— Может, ещё водички? — со слезами в голосе спросила молоденькая киоскёрша. Она постоянно шмыгала носом и бормотала: — Война, война, как страшно.

— Нет, спасибо.

Гришин аккуратно поставил стакан на тарелку и повернул в направлении дома. Хотя ему только недавно исполнилось шестьдесят лет, сейчас он почувствовал себя разбитым стариком с трясущимися ногами и седой головой. Седины в волосах действительно хватало, но это не мешало мозгам быстро и точно думать, перебирая варианты действий.

Из будней суровой жизни Михаил Михайлович усвоил твёрдое правило: если сам о себе не позаботишься — никто не позаботится. А в СССР ещё и в тюрьму посадят, если начнёшь рыпаться и требовать.

Перво-наперво надо отправить домработницу в магазин и наказать купить побольше продовольствия. Пусть затоваривается под завязку, сколько сможет поднять.

Потом надо поговорить с дочкой Лерой, чтоб сидела дома и не высывалась, куда не станет ясна обстановка.

Представив, что предстоит сделать ему самому, Михаил Михайлович положил руку на сердце и прислонился спиной к стене, пережидая приступ аритмии.

Белоголовая девочка с пионерским галстуком остановилась рядом:

— Дедушка, вам плохо?

Мимо них тёк поток людей. Сурово сжав губы, они хранили на лицах одинаковое выражение озабоченности и непримиримости. Наверное, мысленно они уже надели шинели и взяли в руки винтовки.

Вяло подумалось, что, наверное, только русские встречают войну с таким ледяным спокойствием.

Он перевёл взгляд на девчушку, назвавшую его дедушкой.

— Беги, милая. Всё хорошо, я уже дома.

В большой доходный дом на проспекте Огородникова семья Гришиных вселилась в двадцать седьмом, когда Лере исполнилось четыре года. Квартиры там были в основном коммунальные, но на момент заселения Гришин работал главным бухгалтером Рыбтреста и поэтому сумел урвать отдельные хоромы, хотя и на пятом этаже.

Поднимаясь, Михаил Михайлович обычно пару минут отдыхал между этажами, но сегодня он упорно карабкался вверх, одержимый единственным желанием — успеть.

Уже открывая дверь, он столкнулся с домработницей Нюсей, которая обеими руками обнимала огромную кошёлку. Она выглядела старше своих сорока лет и была некрасива щекастым лицом с толстым носом и вялыми губами цвета картофельной шелухи.

— Михал Михалыч, слышали? Война. Я побежала в гастроном, а потом в керосиновую лавку, да ещё надо бы купить соли и ниток. Отоварюсь на свои, потом рассчитаемся.

Нюся всегда стрекотала очень быстро и неразборчиво, но сегодня её речь взяла рекорд скорости, поэтому Гришин с трудом уловил, о чём она толкует, а поняв, удовлетворённо вздохнул. Повезло им с Нюсей — цепкая она баба и ушлая. Он только подумать успел, а она уже побежала выполнять.

За плечом Нюси Михаил Михайлович увидел широко распахнутые глаза дочери:

— Папа, война! Я иду в институт.

— В какой институт! Ведь воскресенье! — едва не завыл Михаил Михайлович. — Сиди дома! Я требую! Наконец, приказываю!

— Папа, я медик.

— Какой медик? Ты третьекурсница! Ребёнок! — Чувствуя, что его увещевания падают в пустоту, Михаил Михайлович поймал руку дочери и стиснул в ладонях. — Лера послушай меня, старика. Хоть раз послушай. Самое лучшее сейчас — сидеть дома и переждать. Авось пронесёт. Подумай сама — ну, прибежишь ты в институт: нате вам, мол, Калерию Гришину собственной персоной. А тебя и закатают санитаркой в добровольцы под горячую руку. И пойдёшь ты под пули, необученная, глупая, с голыми руками. И сгинешь ни за грош. А чуть попозже всё утрясётся. Умные люди составят списки, подумают, кого куда распределить, не торопясь, полюбовно, учитывая семейные обстоятельства. И волки будут сыты, и овцы целы. Армия пусть воюет. Что мы, зазря разве налоги платим?

Наклонив голову, Лера слушала не перебивая, и Михаил Михайлович воспрянул духом: его увещевания дошли до цели. Но когда он потянулся к Лере поцеловать её в лоб, она опустила глаза и мягко высвободилась:

— Хорошо, папа. Я просто пойду погуляю. Не сидеть же дома с перепугу под кроватью.

Хотя он уловил в её словах укоризну, от сердца отлегло. Лера всегда была очень послушной девочкой. А про испуг она зря сказала. К трúсам Михаил Михайлович себя не причислял. Он давно перестал пугаться, с тех самых пор, когда в тридцать седьмом ему переломали пальцы, требуя рассказать, куда ювелир дядя Гоша спрятал ценности. Тогда он смог прикинуться дурачком, благо дядя Гоша к тому времени уже лет пять имел прописку на городском кладбище. Но сейчас настал чёрный день, и дядя Гоша из своей могилы сможет крепко помочь семье племяша Миши.

В день, когда в квартиру к Гришиным позвонила Катя, Михаил Михайлович только что вернулся из поездки в Боровичи. Подкупая проводников и переплачивая за билеты, он добрался до бывшего дома брата на улице Ленина и затаился в кустах.

Выждав до глубокой ночи, Михаил Михайлович пошёл в сарай и отыскал там заступ. Свет луны озарял тёмные окна бывшего дяди-Гошиного дома. За десять прошедших лет дом изрядно обветшал без хозяйского глаза. Дверь на веранду висела на одной петле, надсадно скрипя от каждого порыва ветра. Вымощенный булыжником двор густо порос травой, на скамейке у пруда

сидела толстая жаба и чутко наблюдала за происходящим. Для довершения картины фантазмагории не хватало только чёрного кота и ведьмы на помеле.

Не обращая внимания на жабу, Михаил Михайлович шмыгнул в огород за старую баню и отсчитал десять шагов от левого угла. Условленное место указали два кирпича, положенные буквой «т».

Сразу же вспотев, Михаил Михайлович вонзил в землю лопату. Под руки толкал ужас, что дяди-Гошиного наследства может не оказаться на месте. Когда лезвие лопаты стукнуло о железо, Михаил Михайлович испытал облегчение, едва не окончившееся катастрофой с порчей брюк. В висках застучало. Михаил Михайлович рухнул на землю и дальше рыл руками, как собака. Если бы он мог, то рыл бы и носом... Оцинкованное ведро, полное женских золотых часиков, было на месте.

Загребая часы жменями, Михаил Михайлович перегрузил наследство в заплечный мешок и только на подъезде к Ленинграду снова почувствовал себя уверенно.

* * *

«Значит Гришин. И никаких Ясиных здесь нет», — повторила про себя Катя, стоя перед закрытой дверью, обитой чёрным дерматином.

Всё логично. Дата на посылочном штемпеле поставлена шестнадцать лет назад. За это время лично она, Катя, успела вырасти и окончить школу, и тётке тоже никто не мешал переменить свою судьбу и уехать, например, стоять ДнепроГЭС или помогать Испании бороться с фашизмом.

По полутёмной прохладной лестнице Катя спустилась во двор и осмотрелась по сторонам.

Небольшой квадрат двора со всех сторон окружали серые стены с маленькими окнами. Интересно устроено в Ленинграде: большие окна выходят на улицу, а маленькие — во двор. И входных дверей тоже две — одна широкая, красивая с улицы на парадную лестницу, вторая — на чёрный ход, с внутренней стороны дома.

Около надписи «Бомбоубежище» горела синяя лампочка — для светомаскировки.

Здесь, как и везде по городу, подвальные окна пестрели свежими кирпичными заплатами, напоминавшими о войне.

«Город-крепость» — само собой сложилось сравнение.

В тишине двора не слышался гул большого города и время будто остановилось. Присев на гранитный столбик у ворот, Катя подумала, что отдала бы всё на свете, чтобы повернуть время вспять и хоть немножко побыть ещё с мамой. Она рассказала бы маме, что никакой тёти Люды

здесь нет и что дальше делать, она не знает. Мама наверняка знала бы, как поступить правильно.

В памяти всплывали мелкие ссоры и случайные слова, которые она с обидой говорила маме. Как же за них сейчас непоправимо стыдно! Мама казалась вечной, как вода и хлеб.

Сморгнув набежавшие слёзы, Катя решила пойти в столовую перекусить, потому что живот начинал урчать от голода, и обдумать создавшееся положение. Столовая располагалась на противоположной стороне улицы. У буфетной стойки толпились люди. Большинство из них держали в руках судки и бидоны, куда неразговорчивая раздатчица плескала жидкого супа, больше похожего на мутную водицу.

Есть захотелось до боли в желудке. Сглатывая слюни, Катя дождалась своей очереди.

— Тебе по карточкам или без? — спросила румяная буфетчица с крахмальной наколкой на волосах. Держа в руках ножницы, она ловко выстригала с бумажного листа кусочки размером с почтовую марку и наклеивала их в тетрадку.

— Какие карточки? — растерялась Катя.

— Продовольственные. Ты не местная, что ли? — Буфетчица нетерпеливо моргнула. — Мясо и масло по карточкам, а без карточек вот, смотри — капустные щи, макароны и компот. Есть фруктовое мороженое.

— Мороженое я уже ела.

Разваренные макароны, щи и стакан компота показались восхитительным пиром. Катя вспомнила, что нормального обеда у неё не было с конца июня. Сухие пайки на оборонных работах не считаются, а домой в Новинку она забежала всего на часок, чтобы переодеться, взять саквояж, деньги и документы.

Прежде чем наколоть макароны на вилку, Катя поставила саквояж на колени и притиснулась к столу. Вряд ли здесь покусаятся на её имущество, но бережёного Бог бережёт.

Тепло и сытость обволакивали тело домашним покоем. Хотелось спать, а не думать, куда пойти дальше, поэтому мысли текли вялые и туманные. Чтобы не заклевать носом в тарелку, Катя вслушалась в равномерный гул голосов. В столовой говорили об эвакуации, скором введении комендантского часа и о том, что приближается первое сентября и надо собирать детей в школу. А как их собирать, если многие школы уже эвакуировались, а в других нет учителей — мужчины ушли на фронт, а женщины мобилизованы на окопные работы.

Сквозь смыкающиеся веки Катя смотрела на сосредоточенные лица людей, вспоминала рытьё окопов и думала, что нельзя победить народ, который под пулями и бомбёжками ведёт себя так спокойно и уверенно.

Допивая компот, она решила, что сначала съездит в педагогический институт, куда хотела поступать после школы. Вдруг из-за войны приём абитуриентов продлили и ей выделяют койку в общежитии?

В пединституте усталая женщина из секретариата сказала, что приём давно закончен и, кроме того, институт готовится к эвакуации. Отвечая, секретарь одной рукой держала телефонную трубку, а другой дирижировала тремя студентами, которые выносили из канцелярии какие-то ящики. Коротко подстриженная девушка, паковавшая папки с документами, глянула на неё с сочувствием:

— Тебе надо обратиться в райком комсомола.

Тогда Катя пошла разыскивать райком комсомола. В конце концов, она советская девушка, комсомолка, и в райкоме должны подсказать, куда направить свои силы. Только надо твёрдо сообщить, что она готова выполнять любую работу, пусть даже самую грязную. А ещё лучше, если комсомол даст путёвку на фронт.

До райкома пришлось снова ехать на трамвае. Билет стоил три копейки. Катя побрякала в кармане мелочью и подумала, что деньги тают со стремительной скоростью.

В коридорах райкома комсомола гулял ветер, он врвался в распахнутые форточки и теребил бархатные портьеры. Хлопали двери, звонили

телефоны, взад и вперед проходили люди в шинелях. Пробежали две девушки в одинаковых белых кофточках.

У кабинета инструктора по делам молодежи стояла длинная очередь. Катя спросила, кто крайний, но тут приоткрылась дверь и выглянул молодой человек в полувоенном френче. Мягкий стоячий воротничок серого цвета сливался с нездоровым цветом лица пепельного оттенка.

— Товарищи, я попрошу всех разойтись и прийти завтра. Сейчас я уезжаю на чрезвычайное совещание в Смольный.

Паренёк, стоящий рядом с Катей, рванулся вперед:

— Товарищ Иванов, мне очень надо с вами переговорить. Это одна минута.

— Нет. Не могу.

Дверь захлопнулась. Люди ещё немного постояли, словно ожидая, что хозяин кабинета передумает, а потом медленно стали расходиться. Вслед за всеми Катя вышла на улицу, многолюдную, несмотря на поздний вечер.

На домах висели агитационные доски, они назывались «Окна ТАСС». С плакатов смотрела Родина-мать, а краснолицый солдат в каске указывал пальцем и сурово вопрошал: «Чем ты помог фронту?»

— Пока совсем мало помогла, — ответила плакату Катя, стыдясь собственного безделья.

Она высматривала в толпе прохожих военных и бешено завидовала их прифронтовому счастью. Пропустив вперёд свою ровесницу с противогазом на боку и красной повязкой сандружинницы на рукаве, Катя едва не заревела от обиды: умеют же люди хорошо устроиться! За время блужданий по городу несколько раз завывала сирена воздушной тревоги и в опасной зоне как из-под земли вырастали девушки-дружинницы.

Приставив к губам рупор, они громко командовали:

— Пройдите в убежище! Всем перейти на другую сторону улицы!

В первый раз Катю загнали в подъезд, где молчаливая толпа долго дожидалась отбоя воздушной тревоги. В следующий раз, чтоб не задерживаться, она старалась проشمгнуть мимо.

Незаметно, улочка за улочкой, она дошла до знакомого двора, где прежде жила тётя Люда, и уселась на гранитный столбик, давая отдых усталым ногам.

Дом словно ослеп, потому что все окна были завешаны плотной чёрной материей светомаскировки. Катя подумала, что за целый день в городе не увидела ни одного знакомого лица. Это тебе не райцентр, где непременно сумеешь встретить земляка и услышать приглашение переночевать.

Столовая, где она обедала, давно закрылась. Катя достала из саквояжа жакет и накинула

на плечи. Ночь обещала стать холодной, а она, дурёха, так торопилась в Ленинград, что забыла прихватить пальто. Положив на саквояж скрещённые руки, Катя уткнулась в них лбом, сразу же почувствовав, как сверху наваливается мягкая подушка сна. Она заморгала, потому что боялась спать. Прошлой ночью ей снилась мама, которая осталась лежать у лесополосы, и слышался стрекот фашистских мотоциклов за околицей соседней деревни.

— Девки, собирайте манатки и бегите! — стукнул костылём в оконце председатель Иван Сидорович. — Скоро немец у нас будет!

Катины руки лихорадочно собирали в стопку документы: паспорт, деньги, аттестат зрелости.

В дверях, с полной амуницией, караулила подружка Оля, направленная родителями в Гатчину.

Председатель торопил:

— Слышь, Катька, не мешкай, я сейчас дома жечь буду.

С сильным размахом он высадил костылём стекло, лопнувшее маленьким взрывом. Мама! Катя метнулась в комнату и сорвала со стены мамину фотографию. Мамочка, милая, как же я без тебя?

...От прикосновения руки на плече она вздрогнула:

— Мама?

Около неё стоял седой старик с орлиным носом и жёсткими складками у рта:

— Пройдёте, гражданочка, разберёмся, кто вы такая и что тут делаете.

* * *

Видное место в арсенале печатной пропаганды Ленинграда в тот период занимали также плакаты, лубки, карикатуры. Ленинградские художники Серов, Кочергин, Авилов, Любимов, Горбунов и другие возродили в «Окнах ТАСС» боевые традиции печати времен Гражданской войны. Эти выпуски получили всеобщее признание. Они вывешивались на центральных магистралях города и на предприятиях, в райкомах ВКП(б) и агитпунктах, в воинских частях и учреждениях. В «Окнах ТАСС» наряду с агитационным плакатом и стихотворным или прозаическим текстом широко использовались документальные фото, важнейшие сообщения советского Информбюро. В выпуске «Окон» принимали участие многие рабочие и служащие, приносившие в редакцию свои рисунки и стихотворные подписи*.

* * *

— Беженка, говоришь? К тётке приехала? — Управхоз Егор Андреевич протянул Кате кружку

* Шапошникова А.П. Летопись мужества. (Печать Ленинграда в дни войны). М.: Мысль, 1978.

горячего чая и пододвинул сушки, за неимением вазочки сложенные в стеклянную банку. — Показывай документы, а то вдруг ты диверсантка!

Они сидели в тесной каморке домового хозяйства, обставленной с казённым аскетизмом — стол, два стула, полки на стене и узкий топчан, укрытый солдатским одеялом. На стене наклеенный на картонку портрет Сталина из журнала «Огонёк».

С благодарностью приняв нехитрое угощение, Катя вспыхнула:

— Я не диверсантка, а комсомолка. Правда к тётке приехала. К Людмиле Степановне Ясиной. Она в пятнадцатой квартире жила.

— В пятнадцатой? — Егор Андреевич сощурил глаза, припоминая. — Не знаю такой жилички. В пятнадцатой Гришины живут — сам хозяин и дочка. В прошлом году домработницу Нюську прописали. До жути вредная баба. Чуть не каждый день с жалобами бегают. Я здесь давно живу, а про Ясину никогда не слышал. Врёшь, поди.

— Как это — врёшь?! — От возмущения Катя едва не поперхнулась. С размаху поставив кружку на стол, она распахнула саквояж и вытащила посылку. — Вот, смотрите!

Егор Андреевич пошарил в кармане, водрузил на нос очки и прочитал обратный адрес.

— Да, загадка. А может, ошибка. Знаешь, как бывает? Попросила почтальоншу посылку отправить, а та случайно другой адрес написала.

А иной раз человек нарочно другой адрес пишет, чтобы его не отыскали.

Подумав, что в словах управхоза есть резон, Катя вздохнула:

— Похоже, вы правы.

Она оглянулась на звук открывшейся двери, в которую заглянули две старушки, одна в шляпке, другая в очках:

— Егор Андреевич, мы заступаем на дежурство. Будут указания?

— Какие тут указания? Сами всё знаете: при налёте организовать укрытие населения в бомбоубежище, послать наряд на крышу тушить зажигалки, наблюдать за посторонними.

Старушка в шляпке глубоко вздохнула, а старушка в очках сказала:

— Слушаемся, товарищ управхоз.

Когда старушки ушли, в конторке ненадолго повисло молчание, разбитое хрустом сушки в пальцах Егора Андреевича. Он сунул обломок в чай, дождался, пока спёкшееся тесто наберёт воду, и поддел его чайной ложкой:

— Что дальше делать думаешь?

Катя пожала плечами:

— Не знаю. Хотела на фронт пойти, но мне ещё восемнадцати нет. Буду работу искать — Ленинград город большой.

— Мыслишь в верном направлении, но с работой трудно — предприятия эвакуируют, не до

новых работников, сама понимаешь. Новичков ведь ещё обучить надо, ремесло в руки дать, а не сразу за станок ставить. С заводов и из институтов народ сейчас тысячами увольняют, сажают на иждивенческую карточку.

— Всё равно буду искать, — сказала Катя, — мне идти некуда. В нашей деревне Новинке уже фашисты хозяйничают, а избы председатель сельсовета сжёг, чтоб гадам не достались.

Егор Андреевич досадливо крикнул:

— Прёт и прёт немец. Не знаю, что тебе и сказать, девонька. Я в Первую мировую на германском фронте Георгия заработал. Тоже много безобразий повидал, но так, как нынче, немчура не зверствовала. Ни их, ни наши солдатики мирное население старались не задевать. А в Польше было, что местный ксёндз нам ещё и стол накрыл. Ну, то есть не нам, а офицерам. Но солдатам тоже перепало по кружке пива да по куриной ножке. До сих пор помню, как я ту ножку грыз. Поляки знатно кухарить умеют. Да и наголодались мы на казённых харчах.

Он задумался. Молчала и Катя, слушая, как из радиоточки раздаётся мерный стук, словно кто-то осторожно бьёт палочкой по дереву: тук-тук, тук-тук. Или дождь по чердаку барабанит, как дома в Новинке, когда у них с мамой в избе прохудилась крыша.

Катя чувствовала, что пора прощаться, но уходить не хотелось. Желая растянуть время, она посмотрела на радио:

— Зачем стучит в ретрансляторе?

— Метроном стучит. Приборчик, вроде часов. Говорят, им музыканты пользуются. Я сам-то не видел. Это чтоб население знало, что радио работает. Круглосуточно диктора не посадишь, им тоже спать надо, — охотно откликнулся Егор Андреевич. — В Ленинграде по указу запрещено радио выключать, чтоб народ вовремя оповестить о воздушной тревоге. Медленно стучит — отбой, а быстро — значит, жильцам бежать в бомбоубежище, а мне крутить ручную сирену. — Кивком головы он показал на стойку с двумя металлическими дисками, к которым была приделана изогнутая ручка.

Прежде Катя никогда не видела ручных сирен, хотя сегодня на улице слышала её пронзительно режущий звук, как будто на крыше амбара истошно орут одновременно тысяча мартовских кошек.

Интересную конструкцию она осмотрела с интересом:

— Я бы покрутила.

Брови Егора Андреевича сошлись к переносице:

— Ещё наслушаемся. Печёнкой чую — скоро придётся ручку день и ночь крутить при

бомбёжке, — в сердцах он стукнул кулаком по коленке, — бомба — это тебе не игрушка. Хотя откуда тебе знать — молода ещё.

— Я знаю, — непослушными губами сказала Катя. — Нас много бомбили на окопах. И из пулемёта фашистские лётчики стреляли. Маму убили.

Стараясь спрятать чувства, она поспешно схватила чашку с чаем и отпила большой глоток. Остывший чай приятно охладил горячее горло и помог прийти в себя.

Она вопросительно взглянула на Егора Андреевича:

— Спасибо вам большое. Я пойду?

— Как это пойдёшь? — Голос Егора Андреевича дрогнул от возмущения. — Куда это ты наладилась?

— Туда, — Катя неопределённо махнула рукой в направлении двери и подняла саквояж, готовая шагнуть за порог.

— А ну, сядь! — короткий приказ пригвоздил её к месту.

Она села послушно, как школьница. Всё равно идти некуда.

Егор Андреевич встал, поправил на окне светомаскировку, а потом опять вернулся на место и смущённо кашлянул:

— Короче, вот такое дело — вдовый я, — сплел руки, он покрутил большими пальцами, —

и детей нет. Круглосуточно на работе. Война. Надо быть на посту. Улавливаешь, куда я клоню?

— Нет, — честно ответила Катя, — не улавливаю.

— Эх, ты! А я думал, ты сразу угадаешь, что я предлагаю тебе в мою комнату заселиться, потому что в остальном доме уже густо беженцев натолкано. Пятнадцатая квартира, куда ты ходила, осталась свободна, но на завтра я её уже семье с Кировского завода обещал. Там теперь почти фронт.

Катя потеряла дар речи. Молчала и только глазами хлопала, не зная, что ответить и как благодарить. Пока она собиралась с мыслями, Егор Андреевич достал толстую тетрадь и надел очки:

— Давай твой паспорт, впишу тебя в домовую книгу, а завтра зарегистрируешься у участкового и получишь карточки. Авось не пропадём, Бог милостив.

* * *

24 августа 1941 года.

39-й моторизованный корпус армии вермахта захватил станцию Чудово и перерезал железную дорогу Москва — Ленинград.

27 августа

Утром немецкие танки и мотопехота атаковали позиции 48-й армии по всему фронту и вынудили её к беспорядочному отходу. В 12 часов

прервано железнодорожное сообщение по линии Сонково — Мга.

28 августа

В 12 часов противник почти без боя занял Тосно, оттеснив к северу части 70-й стрелковой дивизии, захватил Саблино, а к 20 часам достиг посёлка Красный бор, продвинувшись за сутки на 30 км. От Ленинграда его отделяло всего 30 км.

29 августа

Войска противника захватили станцию Мга, перерезав Северную железную дорогу. Утром через станцию прошли последние два железнодорожных состава из Ленинграда.

30 августа

Головные дивизии 16-й немецкой армии, внезапно свернув с Московского шоссе, ворвались в Усть-Тосно и Ивановское и вышли к Неве. Таким образом враг перекрыл последние (прямой водный и железнодорожный) пути сообщения Ленинграда со страной.

* * *

Управхоз Егор Андреевич жил в квартире на первом этаже окнами во двор. От фундамента по стенам ползла сырость, наполняющая квартиру сладковатым запахом плесени. Плесень была неистребима, хотя жильцы вели с ней нешуточные бои, вплоть до окуривания стен горючей серой. Серная вонь витала в воздухе почти месяц, но плесень санобработки не заметила,

благополучно продолжив расплзаться по штукатурке зеленоватыми пятнами.

В квартире были четыре комнаты, кухня и тесная ванная комната без ванны, но зато с крапом, cedившим капли в подставленное ведро. Главное место в общественной кухне занимала дровяная плита, на которой стояли керосинки по числу комнат. К стенам жались кухонные столики и висели ходики с кукушкой и двумя гирьками в виде шишек.

У Кати в доме были точно такие же часы, поэтому они приласкала их взглядом, как старого друга, и тревога на сердце стала рассеиваться.

Егор Андреевич распахнул дверь из коридора и ласково подтолкнул Катю вперёд:

— Располагайся, дочка.

Если бы благодарность имела свойства жидкости, то Катя наверняка утонула бы в её волнах. Но поскольку она не любила выказывать свои чувства, то в ответ только кивнула:

— Спасибо большое!

Спать ей предстояло на раскладушке, вытасченной из огромного тёмного шкафа с резными створками.

— Сам столярничал, — похвастал Егор Андреевич. — И шкаф, и раскладушку.

Кроме шкафа комната вмещала круглый стол, покрытый зелёной клеёнкой, четыре стула, деревянную кровать и тумбочку.

Помогая расставить раскладушку, Егор Андреевич посетовал:

— Я бы сюда и сам лёг, чтобы тебе бока не ломать, да продавлю ненароком.

— Обожаю спать на раскладушке, — заверила его Катя, потому что это была правда. В Новинке она часто забиралась на чердак, где на раскладушке лежал матрац, набитый сеном, и ложилась навзничь, глядя, как под крышей раскачивается паутина бельевых верёвок. Вдыхая пряный запах трав, она читала, думала или мечтала.

Несмотря на незнакомое место, уснула Катя почти сразу, а Егор Андреевич сел за стол, придвинул пепельницу, но курить не стал. Посмотрев на портрет жены на стене, тяжело вздохнул:

— Вот, Фрося, какие дела.

У него вошло в обыкновение вечером рассказывать ей, как прошёл день.

Ордер на вселение Егору Андреевичу выдали ещё в двадцатых, когда он с женой и дочкой пришёл в Петроград из Псковской губернии, где их село сгорело дотла.

Жители не поняли, кто запалил пожар, белые или красные, а может, и из деревенских кто-то соседям мстил, но только иного выхода, как податься в город, у Егора Андреевича не осталось.

В ленинградской части жизни у Егора Андреевича был родной завод, эта комната и, конечно,

жена Фрося и дочурка Любонька. Дочкины портреты Егор Андреевич все спрятал — не мог смотреть без душевной боли: руки начинали ходить ходуном, а из груди вырывалось рыдание, больше похожее на звериный рык.

Любонька служила военврачом и погибла на Халхин-Голе. Следом за дочкой на погост отнесли Фросю. А он, старый пень, остался небо копить, хотя с радостью переселился бы к ним на небушко.

Но сейчас война, а значит, надо жить. Не для себя — для других. Для жильцов, для Ленинграда, вон, для этой нежданной конопухи, что сопит под одеялом на раскладушке.

То ли порывистостью движений, то ли прямым взглядом, но Катерина крепко напомнила Егору Андреевичу потерянную Любоньку.

* * *

В директиве Гитлера № 1601 «Будущее города Петербурга» от 22 сентября 1941 г. со всей определённости говорилось:

2...стереть город Петербург с лица земли. После поражения Советской России дальнейшее существование этого крупнейшего населенного пункта не представляет никакого интереса. Финляндия точно так же заявила о своей незаинтересованности в существовании этого города непосредственно у её новых границ.

4. Предполагается окружить город тесным кольцом и путём обстрела из артиллерии всех калибров и беспрерывной бомбежки с воздуха сровнять его с землей.

Если вследствие создавшегося в городе положения будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты, так как проблемы, связанные с пребыванием в городе населения и его продовольственным снабжением, не могут и не должны нами решаться. В этой войне, ведущейся за право на существование, мы не заинтересованы в сохранении хотя бы части населения*.

* * *

С двадцать шестого августа в Ленинграде был введён комендантский час. Движение по городу прекращалось в десять вечера и начиналось в пять утра.

Второго сентября вновь снижены нормы хлеба.

Гитлеровцы пёрли на Ленинград со всех сторон, не давая Красной армии роздыху. Радиоэфир заполнили тревожные сводки с фронтов. Война грозила затянуться надолго.

Катя подумала, что надо сделать какие-нибудь продовольственные запасы на зиму. Что взять с Егора Андреевича? В буфете у него тараканы свадьбу справляют, а на кухне стоит бутылка подсолнечного масла и лежит кулёк серых макарон.

* ГА РФ, ф. 7445, оп. 2, д. 166, ял. 312–314, перевод с немецкого.

Когда Катя совала макароны в кипяток, то они сразу же разваривались в полужидкую массу.

— Третий сорт, что ты хочешь? — сказала соседка тётя Женья. — Такими макаронами впору поросят кормить.

Работала тётя Женья на швейной фабрике. Она была грузная, черноволосая и длиннорукая, как горилла. Ещё в квартире жила библиотечарша Вера Ивановна с двумя детьми — тринадцатилетней Ниной и шестилетним Ваней. Хорошенькая блондинка с красивыми глазами, Вера Ивановна оказалась очень непрактичной и всё время забывала, где какие карточки надо отovarивать. Катя удивлялась: неужели трудно запомнить, что хлеб можно купить в любом магазине, а крупы, жиры и сахар только в прикреплённом. Из-за рассеянности Вере Ивановне приходилось дополнительно стоять в очередях, поручив Кате присматривать за детьми.

По большому секрету тётя Женья шепнула, что Вера Ивановна могла уехать в эвакуацию чуть ли не в первых рядах из-за того, что у неё муж полковник. Но она наотрез отказалась уезжать. Сказала, что не может оставить библиотеку, потому что без присмотра книги растащат. Такую позицию Веры Ивановны тётя Женья решительно осуждала и при каждом удобном случае не забывала пенять:

— Вот, Верка, не послушалась мужа и сиди теперь, как мышка в западне, да ещё с мышатами. Вон, народ говорит, что последние поезда с эвакуированными ушли, да назад вернулись. Захлопнулась наша коробочка.

Впрочем, тётя Женя выговаривала вполне беззлобно, даже с сожалением, и Вера Ивановна не неё не обижалась. Она давно привыкла, что тётя Женя может без стука войти к ней в комнату или по-свойски заглянуть в кастрюльку с супом.

С тётей Женей и Верой Ивановной Катя поладила сразу, а третья соседка — старуха Анна Павловна Кузовкова — встретила её с открытой враждебностью.

Когда наутро после заселения Катя вышла в кухню с чайником, Кузовкова уткнула руки в боки и обошла её кругом, оглядывая с ног до головы, как цыган кобылу.

— Гляньте, никак Егор девку привёл! Совсем обезумел старый хрен. В нашей квартире народу и без того как семечек в огурце!

Была Кузовкова маленькой, кругленькой, краснощёкой — точь-в-точь бабушка из доброй сказки. Только глазёнки сверкали по-крысиному и рот-пирожок зло кривился уголками вниз. Крикливая, в цветастом халате, старуха Кузовкова умела заполнить собой всё кухонное пространство, и куда бы Катя ни отвернулась, там везде мелькал пёстрый ситец и раздавался визгливый голос.

Решив перемолчать, Катя подошла к керосинке и несколько раз качнула насосик, чтобы подать топливо.

Кузовкова подплыла сзади и засопела:

— Слышь, девка, морду-то от меня не вороти. Хоть тебя и сам управхоз привёл, а хозяйничать в квартире не смей. Понаедут тут всякие, а ты потом керосин прячь, чтоб не отлили.

— Не нужен мне ваш керосин, — не выдержала Катя, — и квартира не нужна. Я отсюда при первой возможности уеду. Устроюсь на работу и уеду.

В ответ Анна Павловна высморкалась в полотенце на своём плече и внезапно запела елейным голоском:

— Ну, хозяйничай девонька, хозяйничай. Надо соли, бери, не стесняйся. Мой столик у самого окошка стоит.

Поражённая переменой Катя резко обернулась и увидела в дверях Егора Андреевича. Устало ссутулившись, он одной рукой опирался о косяк, словно его не держали ноги.

— Катерина, быстренько пей чай и собирайся. Дело есть. Поручаю тебе организовать местных ребят на сбор бутылок.

— Каких бутылок? — не поняла Катя. — Зачем бутылки?

Егор Андреевич выпрямился:

— Получен приказ Ленгорисполкома собирать пустые бутылки, чтобы заливать их горючей

смесью и отправлять на фронт. Слыхала про «коктейль Молотова»?

Катя кивнула.

— Вот то-то и оно. Иди, отремонтируй ящики и принимай то, что пионеры натаскают. Объявления развешены.

* * *

Во дворе стоял стук, а груда поломанных ящичков возвышалась до окон первого этажа. В открытой форточке маячил дымчатый кот, взиравший на безобразие с явным отвращением.

Егор Андреевич сокрушённо развёл руками:

— Магазины отдают только поломанные ящички, у них возврат на базу. Ящички нынче тоже стратегический объект, так что придётся самим расстараться на починке. Вон, один работник уже брошен на прорыв.

Вихрастый мальчишка в голубой рубашке с красным галстуком с размаху всадил гвоздь и горделиво оглянулся:

— Видели, товарищ управхоз, как я умею? А вы говорили — не справлюсь.

Мальчишка был румяный, рыжий, весь усыпанный огненными веснушками.

Катя сразу решила, что он похож на колобка, убежавшего от дедушки с бабушкой.

В знак одобрения Егор Андреевич поднял большой палец и сказал:

— Вот тебе, Сенька, начальница. Выдай ей молоток.

— Егор Андреевич, — подлив в голос ехидных ноток, протянул Сенька, — да разве же девчонка сумеет?

— А ты научи, — нахмурился Егор Андреевич, — и в целом покажи Катерине, что тут у нас во дворе и где. Возьми, как говорится, над ней пионерское шефство. Не зря же ты галстук надел.

Обречённо повесив голову, паренёк протянул Кате молоток и указал на ящичек с гвоздями:

— Бери, заколачивай. Гвоздик туда, гвоздик сюда. А то скоро ребята бутылки принесут, а у нас ставить некуда.

Катя усмехнулась: ну, держись, Сенька, сейчас ты у меня поплывёшь в дрейф, как Папанин на льдине. Заколачивать гвозди она умела виртуозно, спасибо соседу-плотнику дяде Савелию. Однажды в Новинке был выигран спор с мальчишками, кто быстрее забьёт сто гвоздей. Проигравший выколачивал гвозди обратно. Работать гвоздодёром ей не пришлось, а мальчишки с тех пор всегда поглядывали на неё уважительно.

Попробовав молоток на вес — тяжеловат, но обойдусь, Катя поставила в ряд пять гвоздиков, и не дожидаясь пока они упадут, короткими взмахами забила их по самую шляпку. Как пулемётную очередь выстрелила.

— Ловка девка! — уважительно сказал Егор Андреевич и поцокал языком. — Ловка.

— Здорово! А меня научишь? — Она увидела, что у Сеньки от восторга перехватило дыхание, а глаза блеснули неподдельным азартом.

— Научу, когда половину ящичков починим.

Оседлав скамейку, Катя положила рейки крест-накрест. Удар, ещё удар. Готово.

Ей нравилось чувствовать силу руки и тяжесть молотка, который играючи повинуется движениям мускулов.

Работа спорилась, и под весёлый перестук ненадолго забывалось, что идёт война, в небе висят толстопузые дирижабли, а запасы продуктов подходят к концу.

Складывая ящички штабелем, Катя подумала, что в старости обязательно вспомнит этот день с неярким солнышком, ленинградский двор, вихрастого Сеньку и толстого серого кота на окне. Отложив молоток, она специально взглянула на кота пристальнее, силясь запечатлеть в памяти его полосатую сущность.

Из раскрытого окна полился мотив фокстрота, и Катя совсем пришла в хорошее расположение духа, когда во двор вошёл парень лет двадцати.

— Ей, работнички, где тут у вас управдом?

Никогда прежде она не видела у ребят такой улыбки — ясной и в то же время чуть-чуть

застенчивой. Кате почудилось, что она на миг оказалась в своей Новинке, таким родным вдруг увиделся ей этот незнакомый парень в светлой рубашке, небрежно заправленной в чёрные брюки.

Вместо гвоздя она стукнула молотком себе по ногтю, сунула палец в рот, да так и застыла, понимая, что со стороны выглядит полной дурёхой.

* * *

За одну неделю ленинградские школьники собрали более миллиона пустых бутылок.

Бутылки были залиты горючей смесью и отправлены на фронт.

* * *

Шофёр третьего автопарка Сергей Медянов так и запомнил её с пальцем во рту — смешную девчонку с двумя косичками и курносым носом. На простой вопрос она покраснела и никак не могла толком ответить, где искать управхоза или управдома. Как кому нравится. Сам он предпочитал старое — управдом.

Неделю подряд Сергей развозил на старой полуторке песок для тушения пожаров и наматался как бобик за косточкой. Когда он расчёсывал волосы, песок сыпался на воротник, а если ел, то песок хрустел на зубах вместо соли.

Баранку Сергей крутил давно — третий год, сразу после школы записавшись на шофёрские курсы. Мать просила пойти учиться в институт на дневное, но Сергей наотрез отказался, потому что отец был репрессирован, а мамино жалованья машинистки в издательстве едва хватало заплатить за квартиру. После ареста отца мама целыми днями писала письма во все инстанции, доказывая, что муж не мог распространять антисоветские листовки по состоянию здоровья.

— Какие листовки, если он почти слепой? — восклицала она, ломая пальцы. — Скажи, Серёжа, как можно, ничего не видя, переписывать статьи запрещённых авторов?

Сергей не знал ответа и всегда успокаивал, что произошла ошибка и отца скоро выпустят. Он действительно в это верил. Но прошёл год, другой, третий. Десять лет без права переписки. Какой изощрённый ум мог выдумать такую кару? На пятом году папиного заключения почтальон принёс извещение, что К. Р. Медянов скончался от остановки сердца.

Постепенно Сергей заметил, что мамин характер изменился и она то замыкается в себе, то становится весёлой и разговорчивой.

— Да она, наверное, пьёт, — предположила мудрая крёстная, когда Сергей поделился с ней своим беспокойством.

— Моя мама? Я даже мысли такой не допускаю!

Но тревога продолжала точить, и, дождавшись, когда мамы не было дома, Сергей провёл обыск.

Пустые бутылки нашлись за тумбочкой в общем коридоре. Сергей выбросил их в помойку, а потом долго бродил по городу и думал, как им с мамой жить дальше. Разговор по душам не принёс никакого результата. Мама продолжала пить, а вечерами сидела, завернувшись в шаль, подаренную отцом к годовщине свадьбы, и смотрела в окно. Молодая, сорокалетняя, умная и красивая мама считала, что её жизнь закончилась.

Сейчас мама ушла в ЖЭК печатать приказы и объявления, а Сергея вместе с машиной со следующей недели мобилизовали в автомобильный батальон. Последний наряд в гражданской жизни — развести песок и забрать пустые бутылки, от одного вида которых его мутило.

А девчонка та, в доме на Огородникова, симпатичная, хотя и смешная. Похожа на парнишку-подростка. Интересно, сколько ей лет?

* * *

После сбора бутылок вместе с другими жильцами Катя таскала песок на крышу дома, чтобы заполнять противопожарные ящики. Следующие несколько дней она безуспешно пробегала по предприятиям в поисках работы, а теперь

вот решила пойти на окраину города собирать остатки урожая с колхозных полей.

Надоумила её тётя Женья:

— У нас на работе уже все бабы сбегали в совхоз и принесли по мешку капустных листьев. Чем без толку по городу метаться, лучше бы подумала, что в щи положишь. И Верку с собой возьми, а то она детей голодом заморит, и так уже по карточкам ничего не выкупить.

Идти сговорились в шесть утра.

— Кто рано встаёт, тому Бог даёт, а то одни оборыши достанутся, — подвела итог тётя Женья.

Женщин и детей на колхозном поле было много, как кочерыжек. Таская за собой мешки и кошёлки, они ползали на коленях и перерывали ровные борозды в поисках остатков капусты. Кому везло, находили целые кочешки с хрусткими листьями, но в основном удавалось наковырять подгнившие обрубки, похожие на свиной пяточок.

Сидя на перевёрнутом ведре, молодая женщина кормила грудью ребёнка. Рядом тащила корзину седая старуха с растрёпанными буклями, а чуть поодаль интеллигентного вида женщина отряхивала одежду и красила губы. Отведя от лица тюбик помады, она посоветовала:

— Девушка, идите дальше, за ров. Там ещё можно что-то набрать, а здесь уже всё пусто.

Перерезавший посадки ров был заполнен стоячей водой бурого цвета, через которую чья-то

добрая рука вместо мостика перекинула деревянную калитку.

Вооружившись лопаткой Егора Андреевича, Катя скоро набросала половину картофельного мешка и подошла к Вере.

— Тебе помочь?

Сидящая на корточках Вера подняла голову и почесала грязной пятернёй в голове. На белокурых волосах остались комочки грязи. Вера засмеялась:

— Спасибо, Катенька. Я такая неумёха. И как меня столько лет муж терпел? — От упоминания о муже Вера часто-часто заморгала, и Катя испугалась, что она сейчас заплачет. — Он под Москвой, Катя. Я сердцем чувствую, что он там. Когда вчера по радио сказали, что идут бои под Москвой, я сразу подумала про Васю. Нам здесь в тылу хорошо, спокойно, а там...

Вера опустила голову и воткнула в землю детскую лопатку, позаимствованную у сына. Больше она не говорила про мужа, а беспечно болтала всякую чепуху, но время от времени её речь застывала на полуслове, а взгляд становился прозрачным и отсутствующим.

Едва мешки наполнились кочерыжками, Катя с Верой двинулись в обратный путь, нагрузившись, как черепахи.

Стоял тёплый осенний день. На заполненные людьми тротуары ветер бросал пожелтевшие

листья, которые, падая, плавно кружили в воздухе, словно вальсируя под неслышную музыку.

Когда проходили мимо кинотеатра, Вера дотронулась до Катиного локтя:

— Трудно представить, что всего три месяца назад мы с мужем смотрели здесь фильм «Если завтра война», целовались и были счастливы. А теперь мне кажется, что это не артисты, а я оказалась в страшном фильме, который не закончится, даже если порвётся плёнка. Тебе хорошо, Катенька, ты одна, а у меня дети. Мне не за себя — за них страшно. И за Васю. Может быть, он сейчас под обстрелом лежит или под бомбами.

Катя поправила мешок на плече:

— Знаешь, Вера, я думала, что если бы у меня был ребёнок, братишка или сестрёнка, мне было бы трудно, но всё-таки легче. Ты понимаешь, о чём я?

— Кажется, понимаю.

Их разговор заглушил внезапный рёв фабричной трубы. Откликаясь на зов, подали голос пароходы на Неве, завывли ручные сирены, захлопали зенитки.

— Бежим скорее до ближайшего дома, — выкрикнула Катя, — там бомбоубежище!

Впереди, сзади, сбоку них тоже бежали люди. Улица пришла в движение, как развошённый муравейник. Снаряды прицельно били по домам, вырывая из фасадов куски

кипичной кладки. Где-то резко и испуганно кричал человек.

Вдоль домов метались девушки-дружинницы, регулируя поток в бомбоубежище:

— Туда, быстрее! Не задерживайтесь, товарищи!

Чувствуя, как тяжёлый мешок колотит по спине, Катя бежала сама и тащила за собой Веру, которая спотыкалась на каждом шагу. Одновременно с очередным разрывом снаряда они успели войти в бомбоубежище, забитое людьми под завязку. От удара дом вздрогнул и закачался. Грохот разрыва слился с криками людей и детским плачем. Потом снова удар и тишина.

Не успев понять, что произошло, Катя полетела куда-то вниз.

* * *

С 4 сентября по 30 ноября 1941 года город обстреливался 272 раза общей продолжительностью 430 часов. Иногда население оставалось в бомбоубежищах почти сутки. 15 сентября 1941 года обстрел длился 18 часов 32 минуты. 17 сентября — 18 часов 33 минуты.

Всего за период блокады по Ленинграду было выпущено 150 тысяч снарядов*.

* 900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. М.: Л, 1966.